

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Л.Л. Габышева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.009

УДК 398.2(=512.1)

Мотив чудесной внешности героя: миф и реальность (на материале фольклора якутов и других тюркских народов)

Научная новизна заключается в новой интерпретации описания фольклорного персонажа, изображенного в соотношении частей его тела с небесными светилами. Исследователь на основе древнейшего принципа ориентации человека в пространстве по собственному телу вскрывает в указанных образах пространственную структуру, служащую мнемонической схемой информации о солнечно-лунном цикле, преломленной в соответствии с особенностями устного народного творчества.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является выявление синкретичного характера фольклорных образов, за которыми стоит не только миф, но и практические знания народа об окружающем мире, в связи с чем автор видит одну из своих задач в реконструкции и раскодировании мнемонических схем фольклорных мотивов, тропов, образов, сохранивших первые наблюдения человека за перемещением по небосводу Солнца и Луны.

Методы исследования. Работа основана на актуальном междисциплинарном подходе: автор, используя лингвокультурный анализ, обращается вместе с тем к астрономическим справочникам, в которых зарегистрированы визуальные наблюдения человека за небесными светилами.

Результаты. Оппозиции луна/солнце, левый/правый, спина/грудь, задний/передний, запад/восток фольклористы рассматривают исключительно как мифологическую матрицу без учета синкретичной природы фольклора, образы которого способны синтезировать эмпирические знания народа о природе, переплетаясь с мифом и обретая эстетическую форму выражения. Автор интерпретирует мотив чудесной внешности, принимая во внимание функции соматизмов как экспликаторов пространственно-ориентационных значений, указывая на их регулярную полисемию в языках, как, к примеру, в якутском *арбаа* 'спина', 'задняя сторона', 'запад'. Согласно визуальным наблюдениям, если солнце всходит на востоке и заходит на западе, то «новорожденный» месяц появляется на западном горизонте слева от заходящего солнца и, пройдя все лунные фазы, исчезает (в мифологических терминах «умирает») на восточном небосклоне справа от восходящего дневного светила. Таким образом, в портретах богатыря, девы, изображении коня, основанных на оппозициях луна/солнце, левый/правый, спина/грудь, задний/передний, запад/восток, присутствует образ «молодого» месяца, символа рождения, роста и витальной силы. «Стареющий» месяц, как и соответствующая лунная фаза, связаны в культурах народов мира с представлением о смерти и множеством запретов.

© Габышева Л.Л., 2022

Ключевые слова: фольклор, тюркские языки, мотив чудесной внешности, ориентационные значения, солнечно-лунный цикл, пространственно-временные термины, образ, устная память

I. Введение. В связи с всевозрастающей значимостью проблемы понимания текста, удаленного от нас на значительное историческое расстояние, особую актуальность приобретает герменевтический аспект его изучения. «Всякая встреча с преданием, осуществляемая с исторической осознанностью, испытывает на себе напряжение, существующее между текстом и современностью» [Гадамер, 1998: 363]. Необходимость интерпретации мифопоэтического текста возникает вследствие не только его иносказательного, метафорического содержания и «смысла-отчуждения» (термин Х.-Г. Гадамера), которому неизбежно со временем он подвергается. Другим, не менее важным фактором являются особенности кодирования, организации и передачи устной информации диахронно из поколения в поколение. Языковая метафора, троп, мотив, формула, символ и т. д., кроме известных и хорошо описанных функций, служат элементами мнемонических структур устной коллективной памяти и способны сохранять в свернутом виде значительную информацию, перенося ее из одного хронологического пласта культуры в другой.

Целью исследования является выявление синкретичного характера фольклорных образов, за которыми стоит не только миф, но и эмпирические знания народа об окружающем мире, в связи с чем автор видит одну из своих задач в раскодировании и реконструкции мнемонических схем фольклорных формул, тропов, мотивов, образов, сохранивших первые наблюдения человека за перемещением по небосводу Солнца и Луны. Результаты исследования могут быть использованы как основа для дальнейших научных изысканий малоизученной проблемы семиотических механизмов устной традиции, а также при подготовке учебных материалов и программ по дисциплинам «Якутский фольклор», «Лингвофольклористика», «Сравнительное эпосоведение», спецкурсов и семинаров по устным традициям народов Сибири.

II. Материалы и методы. Материалом для статьи послужил фольклор якутов, алтайцев, хакасов, шорцев и других тюркских народов, в языках и культуре которых соматическая мета-

фора является базисной [Габышева, 2003: 14]. Объектом нашего исследования являются изображения героев фольклора, которые содержат номинации солнца и луны и строятся на основе отношений проекции между частями тела и небесными светилами. На материале фольклора якутов и других тюркских народов они до сих пор не были предметом специального изучения.

Ведущим аналитическим инструментом в работе стал междисциплинарный подход к изучению устного народного творчества; автор также использует лингвокультурный анализ, рассматривая язык как вербальный код культуры, тексты которой подлежат раскодированию и должны быть поняты во всем богатстве и неоднозначности своих смыслов.

III. Результаты. В эпических сказаниях якутов и других тюркских народов Сибири при изображении богатыря, его коня и прекрасной девы сказитель прибегает к солярным и лунарным символам. В одних портретах, которые условно назовем статичными, персонаж имеет изображения солнца и луны на той или иной части тела, в других – назовем их динамичными – его части тела соотнесены в движении с небесными светилами. Приведем как иллюстрацию статичного портрета описание богатыря из олонхо: *«Түөһүгэр күннээх, сүүһүгэр чолбонноох, кэтэбэр кэбэлээх, төбөтүн оройугар үргэллээх, көхсүгэр ыйдаах, дьылбэгэ дьирэң кыыллаах Түөнэ Дохсун Бухатыыр.* – С солнцем на груди, с Чолбоном на лбу, с кукушкой на затылке, с Плеядами на темени, с месяцем на спине, с бекасом на коленях Тюеня Дохсун богатырь» [Худяков, 1969: 280]. Текст содержит гиперболу и носит аллегорический характер, требующий интерпретации. Встречается и женский портрет, в котором дневное и ночное светила также связаны пространственной оппозицией грудь/спина: *«Арбаһыгар алта ыйдаах, түөһүгэр үс күннээх Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо.* – Имеющая на спине шесть месяцев, на груди три солнца Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо» [Емельянов, 2000: 63]. Подобные портреты фольклористы связывают с мотивом «чудесной внешности» героя или «чудесного ребенка», к примеру, в русских былинах и сказках девица

обещает, что родит Ивану-царевичу «сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц¹, по бокам звезды» [Афанасьев, 1985: 296]. Изображения небесных светил на теле персонажа символизируют, по мнению специалистов, его светоносность и красоту [Топорков, 2005: 152], а мы добавим – особую силу, связанную с небесами.

Близкий по семантике мотив функционирует в алтайском эпосе в описании драгоценного скакуна, при этом солярные и лунарные знаки противопоставлены по признакам правый/левый: «Он <весь> сверкает, грива и хвост подобны пламени, хребет подобен золоту. Клыкастый драгоценный конь, с той стороны, где садятся (слева – Л.Г.), луноподобное тавро имеет, с той стороны, где плетью быют (справа – Л.Г.), солнцеподобное тавро имеет» [Маадай-Кара, 1973: 308].

В отличие от статичного, в динамичном портрете части тела персонажа не имеют изображений месяца и солнца, а соотносятся со светилами в пространстве при движении, при этом используются синонимичные глаголы со значениями ‘закрывать’, ‘заслонять’, ‘затмевать’. В шорском героическом эпосе употребляется формула, описывающая красавицу: «Лучи правого глаза ее свет солнечных лучей затмевают, лучи левого глаза ее свет лунных лучей затмевают²» [Алтын Сырык, 1998: 282]. Живописуя богатырского коня, хакасский сказитель прибегает к следующей гиперболе:

*Аран чула ах көк ат
Аргазынан ай көлет парган,
Көксінен ат күлүгі
Күн көледіп турчададыр.
Бело-голубой конь-скакун
Спиною своей луну заслоняет,
Грудью своей конь-храбрец
Солнце заслоняет* [Курбижеков, 1997: 351].
Ср. с описанием тувинской сказки: конь

стремительно спускается с небесной обители на землю, «глаз луны хвостом закрывая, глаз солнца гривой закрывая» [Хайындырынмай Багай-оола, 1994: 419].

И в статичных, и динамичных портретах модель тела, являясь центром системы ориентационных проекций в пространстве, задает его структуру, в которую вписаны образы солнца и луны. При этом происходит соотнесение микро- и макрокосма.

Очевидна связь структуры – передний/задний, правый/левый, солнце/луна, день³/ночь – с известной двоичной системой символических классификаторов, реконструированной на материале фольклора якутов и других тюркских народов. В указанной системе образ солнца соотнесен с востоком (передней стороной) и югом (правой стороной), утром и полднем, весной и летом, мужским началом, жизнью, светом и т. д., а луна – с рядом противоположных символов.

На наш взгляд, анализируемая структура имеет синкретичный характер, за ней стоит не только миф и концептуальная матрица описания мира; она хранит и передает первые наблюдения человека за движением небесных светил. В древнейших синкретических формах фольклора исследователи справедливо видят зачатки того, что позже в системе развитых и дифференцированных культур становится наукой, религией, искусством и т. д. [Леви-Строс, 1994: 129–130].

Обратимся к анализу портретов фольклорных персонажей, в которых образы солнца и луны связаны оппозицией грудь/спина.

Во многих культурах человек моделирует ориентацию предметов в пространстве, используя структуру своего тела как привычную модель ориентационных проекций. Это так называемая «*human-body part model*», т. е. модель, опирающаяся на топологию человеческого тела [Рахилина, 2000: 253].

¹В славянском материале вызывают интерес определенные совпадения с якутским портретом богатыря и девы, а именно пространственные оппозиции образов солнца и луны (впереди/сзади): «по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре, во лбу – красное солнце, в затылке – светел месяц, по косицам – чистые звезды, кудри жемчужные» [Русские народные..., 1979: 167].

²Указанное описание отчасти перекликается с мифологическим мотивом происхождения солнца и луны из правого и левого глаза первочеловека, божества, известным египетской, индийской, китайской и др. традициям. Связь солнца с глазом и зрением прослеживается в фольклоре многих народов мира, в том числе якутов [Габышева, 2018: 55].

³Слово **kün* обозначает в тюркских языках и солнце, и день. Характерно, что эвфемизмом луны в якутской речи служило имя *түүннү* ‘ночной’ [Павлова, 1998: 19].

А.Н. Кононов утверждает, что «в тюркских рунических памятниках начала VIII в. сохранились точные указания на то, что древние тюрки при определении своего положения на местности обращались лицом в сторону восходящего солнца»; эта позиция обозначалась формами, производными от слов *öң, il* ‘перед’ (ср. с якутским термином *илин* ‘перед, передняя часть чего-либо’, ‘восток’; ‘находящийся впереди кого-, чего-л.’). Далее автор, обращаясь к текстам орхон-енисейских памятников, приводит толкование антонимичных слов и выражений *ilgärj* (*öң* и др.) ‘вперед’ и *kirj* (*курыгару* и др.) ‘назад’ как противопоставление восточной и западной сторон света; при этом тюрколог уточняет, что «нередко линейное обозначение (вперед, назад, направо, налево) сопровождалось указанием на положение солнца» [Кононов, 1978: 73–75]. Исходная позиция при ориентации в пространстве определила полисемию пространственных терминов, обозначающих восток и запад, которые различаются в древних и некоторых современных тюркских языках как ‘передняя’ и ‘задняя’ стороны [Там же: 74, 83–84]. Древнейшая сакральная система ориентации тюркских народов лицом в сторону восточной стороны, связанная с культом восходящего солнца, сохранилась полностью только в языках якутов и тофаларов¹: «якуты: *ilin, ilin* 1) ‘перед’, ‘передний’; 2) ‘восток’; *arǵā, arǵān, kälīn* 1) ‘тыл’, ‘зад’ ‘задний’; 2) ‘запад’ ...; тофалары: *burunǵar* 1) ‘вперед’; 2) ‘восток’; *sonǵar* 1) ‘назад’; 2) ‘запад’» [Там же: 73, 76].

Необходимо также отметить высокий смыслообразующий потенциал соматизмов². У слова *döş* ‘грудь’ в турецком и его диалектах зарегистрировано значение ‘передняя сторона’ [Се-

вортян, 1980: 287]. Относительно полисемии номинаций спины, лингвисты пишут, что «перенос значений – ‘спина’ → ‘задняя часть’, ‘место позади’ – представляет собой регулярную многозначность в “человеко-ориентированной системе”» [Дыбо, 1996: 25]. В словарях современного якутского языка у слова *арбаа*, исторически восходящего к общетюркскому обозначению спины **arka*, отмечено значение ‘запад’ и как семантические архаизмы ‘спина’, ‘тыл, зад, задняя сторона чего-либо’³. Показательно, что дериватами соматизмов, обозначающих спину, являются служебные слова, выражающие пространственные значения ‘сзади’, ‘на задней стороне чего-либо’ и др. [Толковый словарь..., 2004: 547; Толковый словарь..., 2007: 221].

Итак, соматизмы, обозначающие грудь и спину, являются в тюркских языках лексическими средствами экспликации пространственных значений и способны в определенном контексте указывать на координаты восток и соответственно запад.

Возвращаясь к анализу аллегорического портрета героя, мы предполагаем, что его структуру, основанную на устойчивых оппозициях луна/солнце, спина/грудь, задняя сторона/передняя сторона, можно интерпретировать в контексте параллелизма микро- и макрокосма как связь образа солнца с восточной стороной, а месяца – с западной. Указанная связь получает мотивацию в связи с зарегистрированными визуальными наблюдениями человека за небесными телами. Если обратиться к астрономическим справочникам и сравнить видимые суточный и месячный циклы движения Солнца и Луны⁴, то светила имеют прямо противоположные локусы

¹Однако обычай строить жилище дверью на восток, а также ориентация обрядов, посвященных добрым небесным божествам, в сторону восходящего светила сохранились в культуре подавляющего большинства тюркских народов.

²Приведем один из вариантов инициальной формулы олонхо, в которой слово *арбаа* ‘спина’, образуя метафорическую проекцию, отсылает слушателя к далекому прошлому: «*Урукку дьыл уоргатыгар, ааспыт дьыл арбаатыгар...* – На хребте древних времен, на спине давних лет...». Внутренняя форма яркого метафорического образа олонхо становится прозрачной, если учесть, что в древних и современных тюркских языках слова, обозначающие спину, имеют ориентационное значение ‘задний’. Прошлое понимается как то, что находится позади (букв. за спиной), а будущее – впереди. Для сравнения укажем, что якутское слово *илин* ‘перед’ означает ‘будущее’.

³У другого обозначения спины *көбүс* также отмечено значение ‘тыльная (задняя) сторона чего-либо’.

⁴Сопоставление лунного цикла с движением Солнца составляет основу солнечно-лунного календаря, который был в употреблении у якутов и других тюркских народов. Кроме того, специалисты рассматривают сопоставление и отождествление в мифах и фольклоре разных временных циклов как календарную универсалию [Брагинская, 1991: 614].

появления и исчезновения из поля зрения наблюдателя (в мифологических терминах «рождения» и «умирания»). Как пишет П.Г. Куликовский, «после новолуния Луна видна на западе слева от заходящего Солнца в виде тонкого серпа, обращенного выпуклостью к Солнцу. Это – молодой, растущий месяц (напоминает букву Р, если соединить рога прямой линией). Перед новолунием серп Луны виден на востоке утром справа от восходящего Солнца. Это – старый месяц (напоминает букву С¹)» [Куликовский, 2002: 66].

В противоположность дневному светилу, которое каждый день рождается на востоке и заходит на западе, новая Луна, пройдя несколько фаз, «умирает» на восточной части неба с восходом солнца и возрождается через 1-2 суток на западном небосклоне поздним вечером. Кроме того, любителям астрономии известно, что «растущая Луна может быть хорошо видна в любой сезон года на западной части горизонта. Убывающая Луна также хорошо видна во все сезоны, но на восточной части горизонта» [Потемкина, 2016: 43].

Эти сведения преломились в соответствии с жанровой спецификой эпоса также в шорском фольклоре в мотиве пути эпических героев в страну Солнца-хана (*Кун қаан*), лежащую на востоке, и земли Луны-хана (*Ай-қаан*), расположенные на западе [Алтын Сырык, 1998: 415]. «Здесь солнце выступает антагонистом луны – восток называется стороной Кун-хана (Солнца-хана), а запад – стороной Ай-кана (Луны-хана) как отражение наблюдения древних тюрков за солнечно-лунным циклом», – отмечает Д.М. Токмашев, не раскрывая, однако, «астрономической» подоплеку мотива [Токмашев, 2012: 52].

Таким образом, одним из референтов анализируемых мотивов оказывается видимое движе-

ние по небосклону Солнца и Луны, в конечном итоге сведения об устройстве мира.

Перейдем к портретным изображениям фольклорных героев, основу структуры которых составляет оппозиция дневного светила ночному по признакам правый/левый². Это противопоставление – одна из главных мифологических оппозиций в культурах мира, известная со времен древнеегипетских священных текстов; она реконструирована и на материале мифологии, фольклора тюркских народов. Не отрицая связи данной структуры с двоичной системой символических классификаторов – правый/левый, солнце/луна, день/ночь, свет/тьма, жизнь/смерть и т. п. – мы предпримем попытку увидеть за мифом «астрономическую» реальность, а именно отражение наблюдений древних тюрков за солнечно-лунным циклом.

Согласно зарегистрированным визуальным наблюдениям, после новолуния луна видна слева от заходящего солнца в виде тонкого серпа, это – молодой, растущий месяц. В последней фазе убывающий месяц виден на востоке справа от восходящего солнца [Куликовский 2002: 66; см. Санько, 2001: 177]. В связи с этой информацией можно предположить, что в портретах прекрасной девы, драгоценного коня присутствует образ «молодого» месяца, символа рождения, роста и витальной силы. «Стареющий» месяц, как и соответствующая лунная фаза, ассоциируются в культуре народов мира, в том числе тюркских, с представлением о смерти (поедании, разрубании, разрывании месяца) и множеством суеверий и запретов. При старой луне хакасы, к примеру, делали поминки, камлали духам языческих культов и т. д. Другими словами, ни портрет девы, ни изображение скакуна, *alter ego* героя, не могли содержать образ «умирающего» месяца.

¹Сведения о видимом перемещении Солнца и Луны даны здесь и далее с точки зрения наблюдателя, находящегося на Северном полушарии.

²Показательно, что образы солнца и луны появляются в тексте при описании парных предметов: глаз, боков тела и т.п. Лексемы, обозначающие солнце и луну, могут выступать как парное слово в долганском, алтайском, хакасском, шорском и др. эпосах, например, *айлу-кундү Алтай* лунно-солнечный Алтай. Исследователи шорского эпоса отмечают, что оба светила используются как нерасчлененное понятие – атрибут Верхнего и Среднего миров [Токмашев, 2012: 51]. Напомним, что в эпиграфических формулах енисейских памятников слова *кун* солнце и *ай* луна тоже часто употребляются вместе: «*Кун ай азыдым жыта!* (я) не стал ощущать солнце (и) луну, увь!» [Малов, 1951: 26]. В мифах мира солнце и луна составляют неразрывное единство – как муж и жена, брат и сестра, жар и холод, огонь и вода, мужчина и женщина.

В заключение констатируем, что фольклорные образы способны синтезировать эмпирические знания человека о движении небесных светил, переплетаясь с мифом и обретая своеобразную художественную форму выражения. Как считают фольклористы, «фольклор – это всегда трансформация – сложная, подчас многоступенчатая – какого-либо аспекта действительности» [Путилов 1976: 9].

IV. Обсуждение. Известный мотив чудесной внешности, а также описание персонажа в соотношении с небесными светилами не рассматривались фольклористами с учетом функции соматизмов как экспликаторов пространственно-ориентационных значений, а также их регулярной полисемии типа ‘спина’ → ‘задняя часть’, ‘место позади’. Кроме того, в недостаточной степени учитывается синкретичный характер образов и мотивов устного народного творчества, вобравшего в себя и эмпирические знания народа об окружающем мире, а именно визуальные наблюдения за небесными телами. В.Я. Пропп писал, что «фольклор, как и всякое искусство, восходит к действительности. Даже самые фантастические образы фольклора имеют свою основу в реальной действительности... Формы и содержание этого отражения различны в зависимости от эпохи и жанра» [Пропп, 1976: 115].

В условиях бесписьменного социума сведения о лунно-солнечном цикле как социально значимая информация были компактно «упакованы» и сохранены в образах, мотивах, тропах, формулах, в которых светила связаны пространственными оппозициями правый/левый, передний/задний – в конечном счете восток/запад. Их структуру можно описать как свернутую мнемоническую схему информации, хранящейся в устной памяти коллектива. Компрессия смысла достигается путем использования готовых, к тому же хорошо известных матриц, заключающих в себе структуру универсума, в данном случае – образа тела, который служил не только центром системы ориентационных проекций, но и универсальным образцом для построения

модели пространства, времени, календаря¹, как в языке, так и культуре якутов и тюркских народов [Габышева, 2003: 8–36]. Заметим, что принцип соотнесения анатомического строения тела и структуры космического топоса является основополагающим и для шаманских атрибутов, обрядов и камланий.

Сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, создает образ мира, в котором центром системы ориентационных проекций служит собственное тело. «Изоморфизм пространственных отношений и частей человеческого тела», представление универсума «в зоо- и антропоморфических терминах» специалисты расценивают как универсальную мифологическую метафору [Мелетинский, 2000: 165]; с ней сопряжены такие мотивы в мировом фольклоре, как сотворение мироздания из частей тела первочеловека (бога, шамана, первой жертвы) и создание из космических стихий самого человека, имеющего, по якутским мифам, «происхождение от солнца и месяца *кунтэн-ыйтан төрүттээх*».

V. Заключение. Человек традиционной культуры осмысливал пространство и время в единстве через образы движущихся небесных светил. По движению Солнца, Луны и звезд якуты определяли время и изменение погоды, ориентировались по местности, отличая при этом звезды (*сулус*) от планет (*чолбон*), выделяли метеориты (*сындыыс сулустар*) и т. д. [Макаров, 1983: 10–11]. Устное народное творчество было тесно связано не только с мифологией, верованиями народа, историческими событиями, но и с его трудовой деятельностью, своеобразно трансформируя его знания об окружающем мире. Как показал анализ, референтом фольклорных образов и мотивов оказывается видимое движение по небосклону Солнца и Луны, в конечном итоге, сведения об устройстве мира. В мифе, по справедливому утверждению А.Ф. Лосева, «нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного...» [Лосев 1990: 6]. Мифологические структуры явля-

¹ Человек использует структуру тела как привычную модель ориентационных проекций не только в пространстве, но и во времени. Так, у народов алтайской языковой макросемьи известна связь системы измерения времени (календаря) со счетом по частям тела. У эвенов и эвенков был принят календарь из тринадцати лунных месяцев, которые они считали «по голове и рукам»; начало года – макушка головы, следующий месяц – левое плечо и т. д. [Туголуков, 1969: 92; Алексеев, 1993: 8] У монгольских народов был в употреблении счет времени по фалангам пальцев и другим частям тела [Викторова, 1980: 68].

ются «мыслящими структурами»; они «для своей “работы” требуют интеллектуального собеседника», осведомленного в самых различных областях жизни [Лотман, 1996: 351]. О широких познаниях древнего человека в области астрономии пишут современные ученые, посвящая свои труды такой относительно молодой науке, как археоастрономия [Астрономия древних обществ, 2002].

«Мир устной памяти насыщен символами. Может показаться парадоксом, что появление письменности не усложнило, а упростило семиотическую структуру культуры» [Лотман, 1996: 351]. Тропы, мотивы, образы, формулы обладают способностью сохранять память о своих культурно-исторических контекстах, в которых они приобретают осмысленность и мотивированность. Являясь посредником между синхронией и диахронией фольклорного текста, они способны переносить информацию в свернутом виде из одного хронологического пласта культуры в другой.

Список литературы:

- Алексеев А.А. Забытый мир предков: очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья. Якутск: Ситим, 1993. 99 с.
- Алтын Сырык // Шорские героические сказания: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 17. М., Новосибирск: Наука, 1998. С. 322–436.
- Астрономия древних обществ [Отв. ред. Т.М. Потемкина, В.Н. Обридко]. М.: Наука, 2002. 334 с.
- Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах: Литературные памятники. Том 2. М.: Наука, 1985. 539 с.
- Брагинская Н.В. Календарь // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. [Под ред. С.А. Токарева]. Т.1. М., 1991. С. 612–615.
- Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 222 с.
- Габышева Л.Л. Метафорика света и тьмы в языке и фольклоре якутов // Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: инновационные практики: Сб. материалов IV Междунар. очн.-заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 49–56.
- Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов): Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38. М.: Российский гос.гуманит. ун-т, 2003. 192 с.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 696 с.
- Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. 390 с.
- Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск, 2000. 188 с.
- Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник-1974. М., 1978. С. 72–89.
- Куликовский П. Г. Справочник любителя астрономии [Под ред. В.Г. Сурдина]. Изд. 5-е, перераб. и полн. обновл. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 688 с.
- Курбижеков П. В. Хакасский героический эпос «Ай Хуучин»: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока [Сказитель П.В. Курбижеков, запись и подготовка текста, перевод, вступ. статья, примеч. и коммент. прил. В.Е. Майногашевой]. Новосибирск: Наука, 1997. С. 61–423.
- Леви-Строс К. Первобытное мышление [Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского]. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 429 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Маадай-Кара. Алтайский героический эпос: Эпос народов СССР [Сказитель А.Г. Калкин]. М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973. С. 61–461.
- Макаров Д. С. Народная мудрость: знания и представления. Якутск: Якутское книжное издательство, 1983. 120 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования [Под ред. С.Е. Малова]. М.; Л., 1951. 452 с.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа: Исследования по фольклору и мифологии Востока. 3-е изд. М.: Восточная лит.-ра РАН, 2000. 407 с.
- Павлова И.П. Системная организация словаря якутских эвфемизмов. Якутск, 1998. 23 с.
- Потемкина Т.М. Небо на скалах Онежского озера // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2016. № 4(1). С. 19–80.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
- Путилов Б.Н. Предисловие // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 7–15.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
- Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р.П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1979. 303 с.

Токмашев Д.М. Категория пространства в шорском героическом эпосе: лингвокультурологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №3 (19). С. 40–58.

Топорков А.Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII-XVIII вв. / Заговорный текст. Генезис и структура. Сер. Структура текста. М., 2005. С. 143–174.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 215 с.

Хайндырынмай Багай-оола // Тувинские народные сказки: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1994. С. 50–225.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 440 с.

Словари:

Санько Н.Ф. Вселенная и человек (словарь в помощь космическому самообразованию). М., 2001. 218 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д”). М.: Наука, 1980. 389 с.

Толковый словарь якутского языка: В 15 т. Т. 1. (Буква А) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с.

Толковый словарь якутского языка: В 15 т. Т. 4. (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 708 с.

References:

Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva v trekh tomah: Literaturnye pamyatniki* [Folk Russian fairy tales by A. N. Afanasiev in three volumes: Literary monuments]. Volum 2. Moscow: Science Publ., 1985. 539 p. (In Russian)

Alekseev A.A. *Zabytyj mir predkov: ocherki tradicionnogo mirovozzreniya evenov Severo-zapadnogo Verhoyan'ya* [The Forgotten World of Ancestors: Essays on the Traditional Worldview of the Evens of Northwestern Verkhoyansk]. Yakutsk: Sitim Publ., 1993. 99 p. (In Russian)

Altyn Syryk [Altyn Syryk]. *Shorskie geroicheskie skazaniya. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Shor heroic tales. Folklore Monuments of Siberia and Far East]. Volum 17. Moscow, Novosibirsk: Science Publ., 1998. Pp. 322-436. (In Russian and Shor)

Astronomiya drevnih obshchestv. Otvetstvennyy redaktor T.M. Potemkina, V.N. Obridko [Astronomy of ancient societies. Edited by T.M. Potemkina, V.N.

Obridko]. Moscow: Science Publ., 2002. 334 p. (In Russian)

Braginskaya N. V. *Kalendar' [Calendar]. Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2-kh tomah. Pod redaktsiey S.A. Tokareva* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia in 2 volumes. Edited by S.A. Tokarev]. Volum 1. Moscow, 1991. Pp. 612-615. (In Russian)

Dybo A.V. *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. Somaticheskiye terminy (plechevoy poyas)* [Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder girdle)]. Moscow: Science Publ., 1996. 390 p. (In Russian)

Gadamer H.-G. *Istina i metod*. [Truth and method]. Moscow: Progress Publ., 1988. 696 p. (In Russian)

Gabysheva L.L. *Metaforika sveta i t'my v yazyke i fol'klоре yakutov* [Metaphor of light and darkness in the language and folklore of the Yakuts]. *Rusistika na Severo-Vostoke Rossii i v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: innovatsionnyye praktiki. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Russian studies in the North-East of Russia and in the countries of the Asia-Pacific region: innovative practices: Collection of materials of the IV International part-time scientific and practical conference]. Cheboksary: “Sreda” Publ. 2018. Pp. 49-56. (In Russian)

Gabysheva L.L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoi kartiny mira (na materiale yazyka i kultury yakutov): Chteniya po istorii i teorii kul'tury* [The word in the context of the mythopoetic worldview (based on the language and culture of the Yakuts): Readings on the history and theory of culture]. Issue 38. Moscow: Russian State Humanitarian. un-t Publ., 2003. 192 p. (In Russian)

Khayndyrynmai Bagai-oola [Khayndyrynmai Bagai-oola]. *Tuvinskie skazki: Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Tuvan Tales: Folklore Monuments of Siberia and Far East]. Novosibirsk: Science Publ., 1994. Pp. 50 - 225. (In Tuva and Russian)

Khudyakov I.A. *Kratkoe opisaniye Verkhoyanskogo okruga* [Review of Verkhoyansk District]. Leningrad: Science Publ., 1969. 440 p. (In Russian)

Kononov A.N. *Sposoby i terminy opredeleniya stran sveta u tyurkskikh narodov* [Means and Terms of Defining Parts of the World in Turkic Peoples]. *Tyurkologicheskii sbornik-1974* [Turkic Collection-1974]. Moscow, 1978. Pp. 72-89. (In Russian)

Kulikovskiy P.G. *Spravochnik lyubitelya astronomii Pod redaktsiey V.G. Surdina* [Reference book for amateur astronomy. Edited by V.G. Surdina]. 5th edition, revised and completely updated. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. 688 p. (In Russian)

Kurbizhekov P.V. *Khakas'kiy geroicheskiy epos “Ay Khuuchin”: Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Skazitel' P. V. Kurbizhekov, zapis' i*

podgotovka teksta, perevod, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya i kommentariy prilozheniya V.E. Mainogashevoy [Khakassian heroic epic "Ai Khuuchin". Storyteller P.V. Kurbizhekov, recording and preparation of the text, translation, introduction. article, note and comment by V.E. Mainogasheva]. Novosibirsk: Science Publ., 1997. Pp. 61–423. (In Russian)

Levi-Stros K. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive thinking]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 384 p. (In Russian)

LOSEV A.F. *Dialektika mifa* [Dialectic of myth]. Moscow: Pravda Publ., 1990. 429 p. (In Russian)

Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1996. 464 p. (In Russian)

Maaday-Kara. *Altayskiy geroicheskiy epos: Epos narodov SSSR. Skazitel'* [Maadai-Kara. Altai heroic epic: Epos of the peoples of the USSR. Narrator A.G. Culkin]. Moscow: Science Pub., 1973. Pp. 61–461. (In Russian)

Makarov D.S. *Narodnaya mudrost': znaniya i predstavleniya* [Folk wisdom: knowledge and ideas]. Yakutsk: Yakut book publ., 1983. 120 p. (In Altai and Russian)

Malov S.E. *Pamyatniki drevneturkskoi pismennosti* [Monuments of the Ancient Turkic Writing: Texts and Studies]. Moscow, 1951. 452 p. (In Russian)

Meletinsky E.M. *Poetika mifa: Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka* [Poetics of Myth: Studies in Folklore and Mythology of the East]. 3rd edition. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN Publ., 2000. 407 p. (In Russian)

Pavlova I.P. *Sistemnaya organizatsiya slovarya yakutskikh evfemizmov* [System organization of the dictionary of Yakut euphemisms]. Yakutsk, 1998. 23 p. (In Russian)

Potemkina T.M. *Nebo na skalakh Onezhskogo ozera* [The sky on the rocks of Lake Onega]. Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2016, №4(1). P. 19-80.

Propp V.YA. *Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow, Science Publ., 1976. 325 p.

Putilov B.N. *Predisloviye* [Foreword]. Propp V.YA. *Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow, Science Publ., 1976. P. 7-15.

Rakhilina E.V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of

subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Russian dictionaries Publ., 2000. 416 p. (In Russian)

Russkiye narodnyye skazki Sibiri o bogatyryakh [Russian folk tales of Siberia about the heroes. Comp. R.P. Matveev]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 303 p. (In Russian)

San'ko N.F. *Vselennaya i chelovek (slovar' v pomoshch' kosmicheskomu samoobrazovaniyu)* [The Universe and Man (a dictionary to help space self-education)]. Moscow, 2001. 218 p. (In Russian)

Sevortian E.V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov (Obshetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy 'V', 'G', 'D')* [Etymology Dictionary of Turkic Languages (common Turkic and inter-Turkic bases on the letters 'V', 'G', 'D')]. Moscow, 1980. 389 p. (In Russian)

Tokmashev D. M. *Kategoriya prostranstva v shorskom geroicheskom epose: lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Category of space in the Shor heroic epic: linguoculturological aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 2012. №3 (19). Pp. 40-58. (In Russian)

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes]. T. 1. (Bukva A) [Letter A]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2004. 680 p. (In Yakut and Russian)

Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes]. T. 4. (Bukva K) [Letter K]. Novosibirsk: Nauka, 2007. 708 p. (In Yakut and Russian)

Toporkov A. L. *Motiv "chudesnogo odevaniya" v russkikh zagovorakh XVII-XVIII vekah* [The motive of "wonderful dressing" in Russian incantations of the 17th-18th centuries]. *Zagovornyy tekst. Genezis i struktura. Seriya Struktura teksta* [Incantation text. Genesis and structure. Series the structure of the text]. Moscow, 2005. Pp. 143–174. (In Russian)

Tugolukov V.A. *Sledopyty verkhom na olenyakh* [Pathfinders riding deer]. Moscow: Science Publ., 1969. 215 p. (In Russian)

Viktorova L.L. *Mongoly. Proiskhozhdeniye naroda i istoki kul'tury* [Mongols. The origin of the people and the origins of culture]. Moscow, 1980. 222 p. (In Russian)

Yemel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni* [Plots of olonkho about the defenders of the tribe]. Novosibirsk: Science Publ., 2000. 188 p. (In Russian)

The Motive of the Hero's Wonderful Appearance: Myth and Reality (Folklore of the Yakuts and other Turkic Peoples)

Scientific novelty lies in a new interpretation of the description of the folklore character depicted in the correlation of parts of his body with heavenly bodies. The researcher based on the ancient principle of a person's orientation in space according to his own body reveals in these images a spatial structure that serves as a mnemonic scheme of information about the solar-lunar cycle, refracted in accordance with the characteristics of oral folk art.

The aim and tasks. The aim of the study is to identify the syncretic nature of folklore images behind which is not only a myth, but also the practical knowledge of the people about the world around us in connection with which the author sees one of her tasks in the reconstruction and decoding of mnemonic schemes of folklore motifs, tropes, images that have preserved the first human observation of the movement of the sun and moon in the sky.

Research methods. The study is based on an up-to-date interdisciplinary approach: the author used linguistic and cultural analysis, at the same time refers to astronomical reference books in which human visual observations of celestial bodies are recorded.

Results. Oppositions moon/sun, left/right, back/chest, back/front, west/east folklorists consider exclusively as a mythological matrix without taking into account the syncretic nature of folklore. The images are able to synthesize the empirical knowledge of the people about nature, intertwining with myth and acquiring an aesthetic form of expression. The author interprets the motif of a wonderful appearance, taking into account the functions of somatisms as explicators of spatial-orientational meanings, pointing out their regular polysemy in languages for example in the Yakut language арҕаа 'back', 'back side', 'west'. According to visual observations if the Sun rises in the east and sets in the west, then the "newborn" month appears on the western horizon to the left of the setting Sun and having passed all the lunar phases, disappears (in mythological terms "dies") in the eastern sky to the right of the rising daytime heavenly bodies. Thus, in the portraits of the hero, the virgin, the image of the horse, based on the oppositions moon/sun, left/right, back/chest, back/front and west/east there is an image of the "young" month, a symbol of birth, growth and vital strength. The "aging" month as well as the corresponding lunar phase is associated in the cultures of the peoples of the world with the idea of death and many prohibitions.

Keywords folklore, Turkic languages, wonderful appearance motif, orientation meanings, solar-lunar cycle, space-time terms, image, oral memory.